

Мы не на войне

Культура. — 2003 — 11-18 дек. — с.4

“Золотые Овны” вручены. Проблемы остаются

Опубликованное в “Культуре” (№ 47 от 4 декабря 2003 года) письмо Ирины Павловой, осуждающее мою позицию в споре, связанном с картиной Алексея Германа-младшего “Последний поезд”, касается не только меня, но и гильдии, которую я возглавляю, так что я, при всем своем желании, не могу уклониться от ответа.

Обстоятельства спора таковы. Узнав, что в число номинантов премии “Золотой Овен” за 2003 год попал “Последний поезд”, директор выпускавшей его студии обратился в гильдию с письмом, в котором просил, во-первых, снять фильм с номинации и, во-вторых, рассмотреть его, если гильдия пожелает, в следующем году. Со второй просьбой ко мне также обратились (по телефону) художественный руководитель студии Герман-старший и режиссер фильма Герман-младший.

Основанием для этих просьб послужило то, что назначенный пресс-показ фильма в Службе кинематографии не состоялся, а там, где он был показан (в Венеции, Анапе и Доме Ханжонкова), увидеть картину могли лишь немногие критики и журналисты. Это действительно так (я сам фильм не видел, хотя очень хотел его посмотреть), однако Оргкомитет премии действовал строго по уставу, где сказано, что автоматическим основанием для выдвижения картины на премию является показ на территории России. Столь широкая формулировка появилась для того, чтобы продюсеры, режиссеры или студии не пытались воспрепятствовать Оргкомитету премии носить их картины, ставшие фактом общественной жизни, в список для голосования.

Я объяснил ходатаям, что дать ответ — положительный или отрицательный — на их просьбу может только Экспертный совет премии “Золотой Овен”. В связи с тем, что уже были отправлены в печать материалы с названиями всех номинируемых фильмов, в том числе “Последнего поезда”, на сбор совета практически не оставалось времени, и я провел опрос экспертов по телефону, чтобы потом оформить решение протоколом со всеми подписями.

Ирина Павлова считает, что “в телефонном разговоре все можно объяснить и добиться нужного подтверждения лояльности от конкретного человека”. Ее ничуть не смущает то, что она и другие члены Экспертного совета неоднократно голосовали по телефону при определении лауреатов премии — получить от них голос иным путем было просто невозможно. Я не считаю уместным давить на своих коллег, да и смешно было бы пытаться давить на людей, которые не являются твоими подчиненными. Я не общал собеседникам ни своего мне-

ния, ни мнения опрошенных ранее, а лишь спрашивал, согласны они рассмотреть “Последний поезд” в следующем году или нет. Почти все высказывались за то, чтобы оставить фильму возможность быть вынесенным на голосование в 2004 году. Из 52 членов Экспертного совета мне удалось дозвониться до 33, из них положительный ответ дали 32 человека. Поскольку большинство высказалось вполне определенно, я прекратил телефонное голосование. Это было не вполне демократично, но совершенно рационально — оставшиеся голоса ничего бы не изменили. Если бы я предположил, что пером Ирины Павловой будет водить обида на то, что с ней не посоветовались, я бы в конце концов дозвонился и ей. И вполне возможно, получил бы от нее согласие удовлетворить поступившую просьбу.

Я также не считаю неправомерным телефонное голосование, в котором Ирина Павлова видит инструмент манипуляции. Если человеку задать вопрос по телефону, причем в нейтральной форме, он будет отвечать разумом, а не возбужденными чувствами. Так что в некоторых случаях приемлема и такая форма голосования.

После положительного ответа на просьбу рассмотреть фильм в следующем году настаивать на его вычеркивании из списка номинантов текущего года не было никакого смысла: это, как справедливо замечает Ирина Павлова, требовало переголосования всего списка фильмов (чтобы распределить освободившиеся голоса членов Экспертного совета), перепечатки всех уже подготовленных материалов и т.д. Кроме того, об этом не просил и сам режиссер.

Ирина Павлова пишет, что случившееся стало беспрецедентным компромиссом, замаравшим честь гильдии. Безусловно, это был компромисс, то есть взаимоприемлемое и не ущемляющее ничего достоинства соглашение. Компромиссы в принципе неизбежны, поскольку гильдия реализует свои интересы в области, где действуют и другие кинематографические инстанции со своими интересами. Напомню, что сходный компромисс имел место несколько лет назад, когда я не был президентом гильдии. Тогда Оргкомитет премии два года подряд ставил на голосование фильм Глеба Панфилова “Романовы. Венценосная семья”, что не вызывало возмущения Ирины Павловой. Это лишь раз доказывает, что ее письмом управляли не доводы разума, а личные мотивы.

Павлова считает, что с Германом сыном обошлись столь ласково лишь потому, что у него были “весомые заступники”, а вот другим режиссерам “не повезло: у них нет столь влиятельных отцов”. Это не так. Заступ-

ники нашлись не у режиссера, а у фильма, и первыми заступниками были вовсе не директор студии и не отец, а те члены Экспертного совета, которые имели возможность увидеть его в Венеции, где он получил диплом, или Анапе, где он стал призером, — именно благодаря их похвальной активности он попал в номинацию. Некоторым другим фильмам действительно “не повезло”, но опять же не потому, что их не могли защитить отцы режиссеров, а потому, что у них не нашлось защитников среди экспертов. Вот если бы Ирина Павлова соизволила прийти на решающее заседание, которое она пропустила, и с присущим ей напором, не меньшим, чем напор целой студии, “защитила” какой-нибудь дорогой ее сердцу фильм, то, может быть, и с ним поступили бы так же, как с “Последним поездом”. Это ведь не только право, это обязанность каждого члена Экспертного совета — отстаивать и продвигать свои эстетические предпочтения. Этим премия критики и отличается от других премий, что ее присуждению предшествует дискуссия экспертов.

Хочу особо подчеркнуть, что президент Гильдии киноведов и кинокритиков России не подчинен ни председателю СК РФ, ни главе Службы кинематографии, ни гендиректору “Мосфильма” или иной студии, ни генеральному спонсору “Золотого Овена”, ни даже великому и ужасному режиссеру Герману-старшему. Поэтому брать “под козырек” несуществующей фуражки и исполнять их желания ему нет никакой нужды. Я не делал этого тогда, когда не был президентом, и тем более не стану делать сейчас, когда по моему общественному поведению судят о гильдии в целом. Однако, если кто-то из перечисленных или иных лиц обратится к гильдии с просьбой, я не стану отмахивать ее с порога, а и впредь буду выносить на рассмотрение своих коллег.

“Мне всегда казалось, что премия “Золотой Овен” — наш последний бастион. Последнее общественное доказательство того, что критика — не официанты... И вот он рушится, этот последний бастион”, — пишет Ирина Павлова.

А я уверен в том, что представление об осажденном лагере и военная терминология — рецидив советской паранойи. Мы не на войне, и другие кинематографисты — наши коллеги, а не враги. Но если мы будем видеть в них врагов, то они действительно будут нашими врагами. И одна из моих забот как президента гильдии — следить за тем, чтобы между критиками и теми, кого они критикуют, не было войны.

Виктор МАТИЗЕН,
президент Гильдии киноведов
и кинокритиков России